

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ТОРНОВСКОГО ГОВОРА МОКША-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА

Беленов Николай Валерьевич,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры ИКТО
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»
(г. Самара, РФ), belenov82@gmail.com*

Географическая лексика, бытующая в той или иной этноязыковой среде, оказывает значительное влияние на формирование в ней топонимической номенклатуры. Это влияние проявляется как в форме топонимических формантов, так и в основах географических названий, происходящих из данной этноязыковой среды. Актуальность данной работы обусловлена тем, что до настоящего времени географическая лексика торновского говора мокша-мордовского языка, как и других самаролукских говоров, не являлась предметом специального изучения, а также не была введена в научный оборот. Целью настоящего исследования явилось описание, а также лексико-семантический и этимологический анализ географической лексики торновского говора мокша-мордовского языка.

Общетеоретическую и методологическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных исследователей, предметом изучения которых являлись топонимия и диалектология мордовских языков. Лексической базой для данной работы послужили материалы полевых исследований автора, проводившихся в с. Торновом Волжского района Самарской области в течение полевых сезонов 2017 и 2018 гг. При сборе и анализе лингвистического материала применялись основные методы лингвистического исследования – описательный и сопоставительный.

Результаты исследования показали, что географическая лексика торновского говора мокша-мордовского языка в полной мере отражает все фонетико-акцентологические особенности данного говора. Также было выявлено кардинальное отличие состава географической лексики торновского говора от составов аналогичной лексики соседних говоров мокша-мордовского языка – шелехметского и бахиловского.

Значительная часть географической лексики в исследуемом говоре является заимствованной – прежде всего из русского и тюркских кыпчакских языков, что отражает ряд аспектов этноязыковой истории его носителей.

Ключевые слова: мокша-мордовский язык; торновский говор; географическая лексика; топонимика; Самарская Лука.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области в рамках научного проекта № 18-412-630002/18.

Для цитирования: Беленов Н. В. Географическая лексика торновского говора мокша-мордовского языка // Финно-угорский мир. 2018. № 4. С. 6–13.

Введение

Торновский говор мокша-мордовского языка является одним из мокшанских говоров мордовского населения Самарской Луки, которые отличаются как от других говоров мокша-мордовского языка, так и между собой. В ходе проведенных исследований нами были выявлены три говора мокша-мордовского языка на территории Самарской Луки: торновский (бытует у жителей с. Торновое Волжского района Самарской области), шелехметский (у жителей с. Шелехметь Волжского района Самарской области) и бахиловский (у жителей с. Бахилово Ставропольского района Самарской области, ранее, по всей вероят-

ности, распространялся также на жителей Бахиловой Поляны, в настоящее время полностью обрусевших, и на поселение Моркваша).

Топонимия мокша-мордовского населения Самарской Луки, а также географическая лексика местных говоров мокша-мордовского языка никогда ранее не была предметом специального исследования, что определило актуальность предлагаемой работы. Между тем в условиях неполноты архивных и археологических источников по этноязыковой истории мордвы Самарской Луки, именно всестороннее изучение местных говоров мок-

ша-мордовского языка может способствовать решению спорных вопросов происхождения и различных аспектов развития мордовского населения на данной территории. В статье мы рассматриваем географическую лексику торновского говора мокша-мордовского языка.

Топонимическое пространство мокшанских сел Самарской Луки исследовалось нами в течение полевых сезонов 2017 и 2018 гг. в рамках реализации проекта РФФИ «Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки» (грант № 18-412-630002/18). При этом были собраны и обобщены как собственно топонимический материал, так и образцы лексики различных мокша-мордовских говоров Самарской Луки (в основном по кластерам, наиболее часто получающим отражение в топонимии, – географическая, фаунистическая, флористическая, хозяйственная лексика).

Обзор литературы

При исследовании в рамках заявленной темы можно опираться на две группы источников. Первую из них составляют различные топонимические словари, в которых – в том или ином объеме – освещаются некоторые мокша-мордовские топонимы Самарской Луки. Из этих работ особо следует выделить «Самарскую топонимику», написанную ульяновским ономастом В. Ф. Барашковым и самарскими историками Э. Л. Дубманом и Ю. Н. Смирновым¹.

Вторую группу составляет внушительный список работ по мордовской диалектологии как отечественных, так и зарубежных исследователей. Здесь мы ориентировались на работы А. М. Гребневой [4; 5], В. П. Гришуниной [6], С. З. Деваева [7], М. В. Мосина [8 и др.], Т. А. Плаксиной [9], А. П. Феоктистова [11 и др.], Д. В. Цыганкина [12 и др.].

Среди зарубежных исследователей необходимо особо выделить Х. Паасонена,

собравшего на рубеже XIX – XX вв. богатейший словарь мокшанской и эрзянской диалектной лексики, в том числе на территории Самарского Поволжья, обобщенной им в фундаментальном труде “Mordwinisches Wörterbuch”².

Между тем специальных работ, посвященных анализу мокша-мордовской топонимии и географической лексики Самарской Луки в отечественной и зарубежной историографии не имеется, что подтверждает высказывание Д. В. Цыганкина о том, что по мордовским говорам Самарского Поволжья и прилегающих территорий «совершенно отсутствуют публикации»³.

Материалы и методы

Лексический материал для исследования собирался в ходе экспедиций 2017–2018 гг. с использованием полевого метода сбора данных. Непосредственно в с. Торновом Волжского района Самарской области полевые исследования проводились в августе 2017 г. и в сентябре 2018 г. Особое внимание уделялось сплошной записи географических названий, выяснению значения топонимических формантов и самих названий в той форме, как они бытуют в среде местного мокша-мордовского населения. Кроме того, параллельно проводился сбор географической лексики и лексики, наиболее часто находившей отражение в топонимической номенклатуре (фаунистической, флористической, хозяйственной, сравнительно-сопоставительной и т. д.) торновского говора мокша-мордовского языка. Собранный материал интерпретировался путем этимологического и семантического анализа, при этом привлекались материалы соседних мокша-мордовских говоров Самарской Луки, различных мордовских диалектов, а также других финно-угорских языков, была задействована и общефинноугорская лексика.

¹ См.: Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н. Самарская топонимика. Самара, 1996. С. 44, 59.

² См.: Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch // Zusammengestellt von Kaino Heikkilä. Unter Mitarbeit von Hans-Hermann Bartens, Aleksandr Feoktistov und Grigori Jermuschkin. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla. Helsinki, 1990–1996. Bd. 1–4.

³ Цыганкин Д. В., Бибин М. Т. Лингвистический атлас мокшанских и эрзянских говоров. Саранск, 2002. С. 3.

**Результаты исследования
и их обсуждение**

Рассмотрим различные географические термины торновского говора мокша-мордовского языка, кратко охарактеризуем их.

Буа

Обозначение искусственных водоемов, которые рыли жители села для обеспечения домохозяйств водой, ввиду дефицита естественных источников воды в окрестностях Торнового. Термин встречается в составе топонимов *Бибин Буа*, *Васька Буа*, где первую часть составляет антропоним – имя или фамилия человека, вырвавшего пруд. Термин характерен только для торновского говора мокша-мордовского языка, в шелехметском говоре он неизвестен, а сами жители Шелехмети свидетельствуют, что этот термин торновский. Носители торновского говора также подтверждают, что этот термин распространен только у них, однако его происхождение объяснить не могут.

О. П. Терентьева, исследуя гидронимию Ветлужско-Вятского междуречья, выделяет термин *бу/бу* как в качестве самостоятельного, так и в качестве топониманта. Указывая, что в самодийских языках слово *бу* означает ‘вода’, а также в географических названиях может выступать в значении ‘река’, Терентьева полагает, что на территории исследуемого региона данный формант является одним из древнейших. Он иногда встречается в гидрониме одновременно с достоверно мордовскими гидроформантами *ляй/лей*, а распространен – с различными вариациями – по всей территории, населенной носителями финно-угорских языков, везде составляя архаичный субстрат. Ф. И. Гордеев, И. С. Галкин, а вслед за ними и О. П. Терентьева считают, что во всех установленных случаях бытование термина *бу/бу/буй* от Карелии до Урала связано с финно-угорским *viija* со значением ‘река; ручей’ [10, 33].

В контексте этнической истории мордвы Самарской Луки перспективно, на наш взгляд, рассмотреть связь данного термина с распространенным в кыпчак-

ских языках названием плотины – *буйэ*. Вероятность данной гипотезы подкрепляется наличием в самих кыпчакских языках названий прудов, восходящих к данному термину. Например, указываемый Р. З. Шакуровым микротопоним у дёмских башкир *Быуа аралы*, где *быуа* – ‘пруд’, *аралы* – ‘урочище, место’ [13, 97]; пруд *Буа* в с. Тайсуганове Альметьевского района Республики Татарстан, основанного башкирами и тептярями. В современных тюркских языках бытует и термин, близкий торновскому *буа*, который Р. Г. Ахметьянов возводит к общетюркскому *буг-аг*⁴. В мордовских языках в сложных топонимах апеллятив всегда ставится на второе место, причем неважно – будь то собственно мордовские названия или заимствования из других языков.

Связь с тюркскими лексемами вероятна, однако только если рассматривать уже «готовое заимствование», поскольку плотины как таковой эти объекты не имеют, а являются вырытыми прудами. По мнению Мосина, термин *бие/буе*, встречаясь ныне лишь в топонимии, является отражением родоплеменных отношений у мордвы, исследователь приводит примеры топонимов с данным формантом: *Кеченьбие*, *Тарасбуе* [8, 175]. Учитывая, что в Торновом такие объекты принадлежали отдельным семьям, подобная этимология вполне вероятна.

Кужо

Лексема *кужа/кужо* в литературных мордовских языках имеет значение ‘поляна’. Цыганкиным она рассматривается как составляющая мордовской архаичной географической лексики [12, 56]. В торновском говоре мокша-мордовского языка приобрело иное значение – «необрабатываемая окраина возделываемой земли», «то, что за огородами». Подобное же значение лексема *кужо* имеет и в шелехметском говоре: так неофициально называется улица Горная, занимающая окраинное положение.

⁴См.: Ахметьянов Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань, 2001. С. 53.

Рипча

Значение данного термина в торновском говоре мокша-мордовского языка в настоящее время утрачено. Встречается в составе ряда топонимов в окрестностях Торнового: *Борка-рипча*, *Номка-рипча*. Возможно, данный термин как-то связан с географическим термином *репище*, достаточно распространенным на Самарской Луке и означающим лесные поляны. Сами жители Торнового предполагают, что слово *рипча* может являться измененным заимствованием из русского языка – *роща*. Впрочем, объекты, названия которых содержат данный термин, достаточно разнотипны: это могут быть как группы деревьев, так и лужайки, поля и т. д. Происхождение данного термина нуждается в дополнительном исследовании.

Баряк

Данным термином в торновском говоре мокша-мордовского языка обозначаются как овраги, так и ручьи. Термин *буерак*, считающийся тюркским заимствованием в ряде восточнославянских языков⁵, получил распространение на Самарской Луке достаточно рано (в первых подробных картографических источниках для данной территории – на карте Адама Олеария 1636 г. и на Чертеже Печёрской слободы 1684 г. он уже фигурирует), бытуя в русской и мордовской этноязыковых средах. При этом для мокшанских говоров Самарской Луки остается открытым вопрос о проникновении в них данного термина. Он мог быть заимствован местной мордвой как у русского населения, пребывание которого документально фиксируется здесь с первой трети XVI в., так и прямо из тюрко-монгольской среды. Значение ‘овраг’, безусловно, первично, значение ‘ручей’ – вторично, причем фиксируется только для торновского говора. По нашему мнению, оно явилось следствием природно-географических особенностей окрестностей села: все местные ручьи являются сезонными и наполняются водой только в период таяния снегов в горах, в

остальное время представляя собой сухие каменные русла оврагов.

Лифтима

Термин, обозначающий в торновском говоре мокша-мордовского языка колодец. В литературном мокшанском языке колодец называется *эши*. Здесь надо отметить, что в говорах мокшан Самарской Луки обозначения колодца вообще отличаются большим разнообразием. В торновском говоре, по всей видимости, данный термин происходит от глагола *лифтэмс* со значением ‘вытаскивать; вытягивать’, путем добавления аффикса *-ма*, в результате получилось существительное, которое и служит для обозначения колодца.

Чанэ

В настоящее время в торновском говоре мокша-мордовского языка значение данной лексемы утрачено, встречается лишь в составе топонимов, например: *Старип-чанэ* – название колодца. По аналогии с топонимами в окрестностях других мордовских сел Самарского Поволжья можно предложить реконструкцию данного топонима как ‘старушечий колодец’ (сравните, например, с названием колодца *Бабань лисьма* в окрестностях эрзянского села Коноваловка Борского района Самарской области), где лексема *чанэ* может представлять собой заимствование из кыпчакских языков: *чаны* со значением ‘колода; большая деревянная кадка’. Колодец *Старип-чанэ*, действительно, был благоустроен в форме деревянного сруба.

Панда

Лексема, обозначающая в торновском говоре мокша-мордовского языка гору. Данный термин аналогичен мокшанскому литературному. Встречается в составе ряда топонимов в окрестностях Торнового, например: *Эрьхке-Панда*.

Панде

Данным термином в торновском говоре мокша-мордовского языка обозначаются холмы и небольшие возвышенности. Вероятно, здесь имеет место эллипсис от лексемы *пандане* – уменьшительного от *панда*.

⁵ См.: Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. С. 104.

Этот термин, означающий в литературном мокшанском языке озеро, известен в таком значении и в торновском говоре мокша-мордовского языка. Здесь, однако, он относится только к естественным озерам (в то время как в различных мокшанских диалектах применяется и к прудам: в частности, в списке мордовских слов у Н. Витсена для термина *эрьхе* приведено именно значение ‘пруд’⁶). Дальнейшее сужение семантики данного термина можно проследить в шелехметском говоре мокша-мордовского языка, где так называют естественные озера только определенного типа.

Река

Данный термин, заимствованный из русского языка, рассматривается носителями торновского и шелехметского говоров мокша-мордовского языка как собственный, «мордовский». Термин *лей/ляй* при этом здесь совершенно неизвестен.

Паксе

Термин, служащий для обозначения полей в торновском говоре мокша-мордовского языка, применяется как к участкам обработанной земли, так и к участкам, поросшим луговой растительностью. Встречается в составе ряда топонимов, например *Шре-паксе* – ‘Стол-поле’, так в Торновом называется урочище Чуракайка. От литературного мокшанского термина с данным значением – *пакся* – отличается тем, что, в соответствии с особенностями торновского говора мокша-мордовского языка, [я] перешел в [е/э], а ударение переместилось на последний слог.

Лексема, обозначающая в торновском говоре мокша-мордовского языка село. Литературная мокшанская форма *виле* в торновском говоре изменилась в соответствии с его особенностями: фонема [е] перешла в [и].

Заключение

Заканчивая обзор географической лексики торновского говора мокша-мордовского языка, необходимо отметить следующие ключевые моменты.

Все характерные черты, присущие данному говору (переход ударения в слове преимущественно на последний слог, добавление финального гласного [е/э], а также переход [е/э] в [и], [я] в [е/э]), находят отражение в его географической лексике.

Лексический состав географической терминологии торновского говора мокша-мордовского языка значительно отличается от географической терминологии и литературной мокшанской, и соседних говоров мокша-мордовского языка – шелехметского и бахилковского.

В географической лексике торновского говора мокша-мордовского языка нашли отражение различные аспекты этноязыковой истории данной группы мордвы Самарской Луки: здесь наблюдается значительное влияние русского и тюркских (кыпчакских) языков, сохранение ряда общемордовских архаичных черт, а также выделяются элементы собственной эволюции данного говора в условиях длительной изоляции от носителей иных мокшанских диалектов.

⁶См.: Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам, 2010. Т. 2. С. 403.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беленов Н. В. К вопросу о некоторых заимствованиях в мордовских языках // Сопоставительно-типологический ракурс в исследовании разноструктурных языков: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Башкир. гос. ун-т. Уфа, 2018. С. 40–45.
2. Беленов Н. В. Ойконим Шелехметь на Самарской Луке в этноисторическом контексте // Современные исследования соци-

- альных проблем. Красноярск, 2018. № 2. С. 12–17.
3. Богдашкина С. В. Лексика старошайговских говоров мокшанского языка / МГПИ им. М. Е. Евсевьева. Саранск, 2014. 110 с.
 4. Гребнева А. М. Названия плодовых деревьев и кустарников в мордовских языках и говорах // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. № 2. С. 7–17.
 5. Гребнева А. М. Целостный подход к исследованию словосложения номинантов мордовских языков // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 2. С. 7–16.
 6. Гришунина В. П. Диалектная лексика мокшанского языка (лексикографический и лингвогеографический аспекты исследования). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 172 с.
 7. Деваев С. З. Средневадский диалект мокша-мордовского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1965. 22 с.
 8. Мосин М. В. Отражение общефинноугорской лексики в мордовских географических названиях // Ономастика Поволжья: сб. ст. Саранск, 1976. С. 172–175.
 9. Плаксина Т. А. Ареальное исследование северо-западных говоров мокша-мордовского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2002. 17 с.
 10. Терентьева О. П. Гидронимы Ветлужско-Вятского междуречья (потамонимы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1994. 23 с.
 11. Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. 392 с.
 12. Цыганкин Д. В. Мордовская архаическая лексика в топонимии Мордовской АССР // Ономастика Поволжья: сб. ст. Саранск, 1976. С. 54–59.
 13. Шакуров Р. З. Историко-стратиграфическое и ареальное исследование башкирской топонимии Южного Урала и Предуралья: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1998. 38 с.
 14. Itkonen E. Zum Ursprung und Wesen der reduzierten Vokale im Mordwinischen // Finniesch-ugrischt Forchungen, 1971. Bd. 39. P. 41–75.

Поступила 18.12.2018, опубликована 29.03.2019

GEOGRAPHICAL VOCABULARY OF THE TORNOVSKY DIALECT OF MOKSHA-MORDOVIAN LANGUAGE

Nikolai V. Belenov,

Candidate Sc. {Pedagogy}, Associate Professor, ICTO Department, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia), belenov82@gmail.com

Geographical vocabulary existing in ethno-linguistic environment, has a significant impact on the formation of its toponymic nomenclature. This influence is manifested both in the form of toponymic formants and in the basics of geographical names originating from this ethno-linguistic environment. The relevance of this work is defined by the fact that until now geographical vocabulary of the Tornovsky dialect of the Moksha-Mordovian language, as well as other Samara-Bends dialects, was not the subject of special study, and was not introduced into academic and research circulation. The purpose of this article is description and lexico-semantic and etymological analysis of geographical vocabulary of the Tornovsky dialect of the Moksha-Mordovian language.

General theoretical and methodological basis of the research was made up of the works of Russian and international researchers on the toponymy and dialectology of the Mordovian languages. Vocabulary data is based on the materials of field research that the author conducted in the village Tornovoe of the Volga district of the Samara region during the fieldwork in 2017 and 2018. The main methods of linguistic research are descriptive and comparative methods. They were used in the collection and analysis of linguistic material.

The results of the study showed that the geographical vocabulary of the Tornovsky dialect of the Moksha-Mordovian language fully reflects all the phonetic and accentual features of this dialect. It was also revealed that there is a fundamental difference between the composition of geographical vocabulary of the Tornovsky dialect and the same vocabulary of the neighboring dialects of the Moksha-Mordvin language, Shelehmet'sky and Bahilovsky.

A significant part of the geographical vocabulary in the Tornovsky dialect is borrowed from the Russian and Turkic Kipchak languages which reflects ethno-linguistic history of its speakers.

Key words: Moksha-Mordovian language; Tornovskiy dialect; geographical vocabulary; toponymica; Samarskaya Luka (Samara Bend).

Acknowledgments: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Research and Government of Samara Region as part of the project No. 18-412-630002 / 18.

For citation: Belenov NV. Geographical vocabulary of the Tornovsky dialect of the Moksha-Mordovian language. *Finnougoriskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 4: 6–13. (In Russian)

REFERENCES

1. Belenov NV. On the issue of some borrowing in Mordovian languages. *Sopostavitel'no-tipologicheskii rakurs v issledovanii raznostrukturnykh iazykov* = Comparative and typological perspective in the study of multi-structural languages. Ufa; 2018: 40–45. (In Russian)
2. Belenov NV. Oikon Shelekhmet on Samara Luka in the ethnohistorical context. *Sovremennye issledovaniia social'nykh problem* = Contemporary Social Studies. 2018; 2: 12–17. (In Russian)
3. Bogdashkina SV. Vocabulary Staroshaygovsky dialects Moksha language. Saransk; 2014. (In Russian)
4. Grebneva AM. Names of fruit trees and shrubs in Mordovian languages and dialects. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Finno-Ugric Yearbook. 2017; 2: 7–17. (In Russian)
5. Grebneva AM. Holistic approach to the study of the composition of nominees of Mordovian languages. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Finno-Ugric Yearbook. 2016; 2: 7–16. (In Russian)
6. Grishunina VP. Dialect vocabulary of the Moksha language (lexicographic and linguo-geographic aspects of the study). Saransk; 2015. (In Russian)
7. Devaev SZ. Middle-Vadsky dialect of Moksha-Mordovian language. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Saransk; 1965. (In Russian)
8. Mosin MV. Reflection of common Finno-Ugric vocabulary in Mordovian geographical names. *Onomastika Povolzh'ia: sb. st.* = Onomastics of the Volga region. Proceedings. Saransk; 1976: 172–175. (In Russian)
9. Plaksina TA. Areal study of the northwestern Moksha-Mordovian dialects. Abstract of

-
- dis. ... Cand. of Philol. Sci. Saransk; 2002. (In Russian)
10. Terent'eva OP. Hydronyms of the Vetluga-Vyatka interfluve (potamonimy). Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Ioshkar-Ola; 1994. (In Russian)
11. Feoktistov AP. Essays on the history of the formation of Mordovian writing and literary languages. Saransk; 2008. (In Russian)
12. Cygankin DV. Mordovian archaic vocabulary in the toponymy of the Mordovian ASSR. *Onomastika Povolzh'ia: sb. st.* = Onomastics of the Volga region. Proceedings. Saransk; 1976: 54–59. (In Russian)
13. Shakurov RZ. Historical, stratigraphic and areal study of the Bashkir toponymy of the Southern Urals and Cis-Urals. Abstract of dis. ... Dr. of Philol. Sci. Ufa; 1998. (In Russian)
14. Itkonen E. Zum Ursprung und Wesen der reduzierten Vokale im Mordwinischen. *Finnisch-ugrischt Forschungen*. 1971; 39: 41–75. (In German)

Submitted 18.12.2018, published 29.03.2019